

department of Darwin Museum that was conceived by them was supposed to illustrate the idea of evolutionary origins of man's psyche from the one of animals.

Respectful attitude to the objects of study – to experimental animals and to apes especially – united the scientist and the artist. Not only V.A. Vatagin but his pupil – V.V. Trofimov contributed to illustration of N.N. Ladygina-Kohts's works. Honest respect and longtime friendship resulted in creation of a great number of sculptural and picturesque portraits of this remarkable scientist-woman.

Н.Н. Ладыгина-Котс
и В.А. Ватагин –
сооснователи
Дарвиновского музея

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889 – 1963), как и Василий Алексеевич Ватагин (1884 – 1969), по праву считаются сооснователями Дарвиновского музея.

Н.Н. Ладыгина-Котс – выдающийся ученый психолог, убежденный дарвинист, а также супруга основателя и первого директора Дарвиновского музея – Александра Федоровича Котса (1880 – 1964). В 1913 г. она возглавила зоопсихологическую лабораторию, основанную при музее. Ее монография «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935) принесла Надежде Николаевне мировую славу и была переведена на основные европейские языки. Н.Н. Ладыгина-Котс своими трудами заложила фундамент нового раздела психологической науки психологии антропогенеза.

В.А. Ватагин – раз-
носторонний мастер,
основоположник
современной русской
анималистической
школы

В.А. Ватагин известен, в первую очередь, как основоположник современной русской анималистической школы [1, с. 10]. Творческое наследие мастера очень разнообразно, он занимался скульптурой, графикой и живописью; его равно увлекала книжная иллюстрация и монументальная скульптура. Сотрудничество В.А. Ватагина с Дарвиновским музеем продолжалось 45 лет, с 1908 по 1953 гг. Именно его работы записаны в книге поступлений фонда изобразительного искусства Дарвиновского музея под первыми номерами.

Н.Н. Ладыгина-Котс
и А.Ф. Котс рассматривают
рисунок В.А. Ватагина с изо-
бражением павиана. 1913 г.

С первым директором музея, А.Ф. Котсом, В.А. Ватагин познакомился еще во время учебы в гимназии: они вместе посещали студию художника-акварелиста Н.А. Мартынова. Впоследствии это детское знакомство переросло в многолетнюю дружбу и годы совместной плодотворной работы, насытившие стены нашего музея уникальной коллекцией произведений скульптуры, живописи и графики. В настоящее время в фондах ГДМ хранится 158 скульптурных, 372 живописных и 1136 графических работ В.А. Ватагина.

Концепция
экспозиции
Дарвиновского
музея, созданная
А.Ф. Котсом

Открытый в 1907 г. в Москве Государственный Дарвиновский музей был уникальной и очень смелой попыткой настоящего синтеза науки и искусства. В то время большинство биологических музеев мира представляли собой, по свидетельству современников, унылое зрелище – монотонные ряды звериных и птичьих чучел. Но А.Ф. Котс рассматривал экспозицию как единое целое – это должен был быть своего рода храм научного мировоззрения, где всесторонне раскрывалось бы эволюционное учение. Еще нигде в мире в музеях естественнонаучного профиля в таком объеме не использовались произведения искусства, но в России рубежа веков значительная часть интеллигенции видела в искусстве средство просвещения и нравственного совершенствования человека. Поэтому одним из решающих моментов для создания ГДМ было наличие в Москве талантливых художников-анималистов, которых Александр Федорович активно привлекал к работе в музее. Прodelав гигантскую работу, он создал детально продуманные схемы тридцати семи залов музея, где были обозначены места для чучел, скульптуры и живописи. К сожалению, этот грандиозный замысел так и не был осуществлен из-за отсутствия здания, где могла бы разместиться эта экспозиция, и огромное количество изготовленных по единому плану экспонатов: чучел, скульптур и картин – долгое время хранилось в запасниках музея.

Методика «усовершенствованного показа» – создание серий художественных произведений

Характерной особенностью всех заказных художественных работ ГДМ была их «многосерийность». Александр Федорович придумал методику так называемого «усовершенствованного показа» произведений. Суть ее заключалась в том, что художникам-анималистам заказывались целые серии картин или скульптур на определенную тему (возможно, такое решение было навеяно достижениями кинематографа).

А.Ф. Котс всегда учитывал склонности и увлечения художников, работавших в его музее, и поручал им задания, которые были им интересны.

Интерес
В.А. Ватагина
к эмоциональным
проявлениям
обезьян

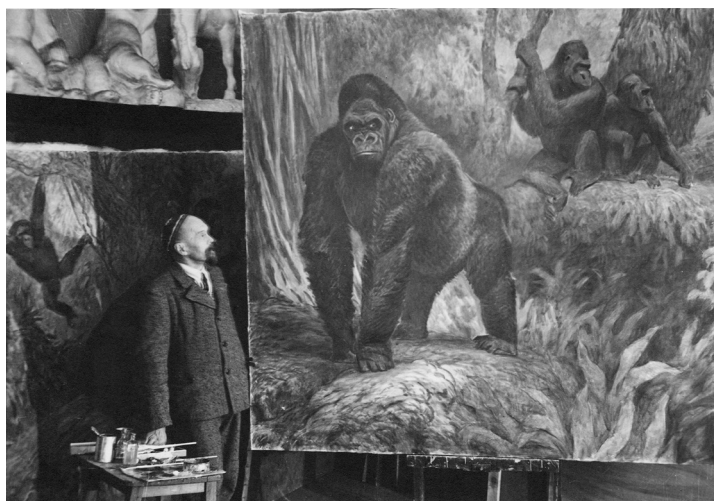
Именно наблюдательность В.А. Ватагина, его чуткость к особенностям эмоциональных проявлений животных, и, в особенности, обезьян, привлекли к его творчеству внимание А.Ф. Котса, по его собственным словам: «Но не быстрота письма – увы! Бледнеющая ныне в век кино, – другое свойство, недоступное кино, было и есть самое ценное в таланте нашего художника: его способность проникаться в скорбный юмор и трагический гротеск звериной психики. И всего ярче выражалась она в передаче поз, движения и мимики самых

Уважительное
и сочувственное
отношение
В.А. Ватагина
к животным

причудливых созданий – группы обезьян. Шептавшие то о нашей связи с ними, то о бездне нас разделяющей, создания эти, в их изображении Ватагиным, еще настойчивее говорили об огромной роли дарования его для целей и задач музея...» [2, с. 84–85].

Но самое главное заключалось в особом отношении Василия Алексеевича к своим героям: он испытывал к ним уважение и сочувствие.

Для него то главенствующее положение в мире живой природы, которое сумел занять человек, было сопряжено с повышенной ответственностью по отношению к этому миру, с необходимостью оберегать его и защищать. «Немногие из наших современников интересуются животными, хотя бы по названию различают их друг от друга. Немногие знают строение животных или представляют их облик. Некоторые думают, что животные лишены эмоций, ничего не чувствуют и не имеют своей индивидуальности» [3, с. 68].

В.А. Ватагин за работой над картиной «Гориллы в лесу» из серии «Антропоиды». 1939 г.

Зоопсихологический
раздел музея как
иллюстрация одной
из важнейших тем
эволюционного
учения Ч. Дарвина

Еще в 1872 г. Ч. Дарвин опубликовал книгу «Выражение эмоций у человека и животных», где, используя огромное количество фактов и наблюдений, продолжал отстаивать свою идею эволюционного происхождения психики человека от психики животных. Это был очень важный момент, поскольку в то время большинство ученых все еще пытались приписать психике человека мистическое происхождение, что свидетельствовало бы о непреодолимой пропасти, отделяющей человека от животных. Противники Дарвина утверждали, что тео-

В.А. Ватагин. Обезьяна с детенышем. 1910-е гг. Бумага, карандаш, тушь. Из коллекции ГДМ

В.А. Ватагин. Павиан в ярости. 1910-е гг. Бумага, карандаш, тушь. Из коллекции ГДМ

Первые рисунки обезьян, выполненные В.А. Ватагиным в зоосадах Европы

рия эволюции не может объяснить возникновение таких человеческих качеств, как интеллект и моральность. Ответ на эти вопросы должна была дать новая наука – зоопсихология. Поэтому ей, по замыслу А.Ф. Котса и Н.Н. Ладыгиной-Котс, должен был быть посвящен целый раздел экспозиции музея. Тема изучения эмоционального мира животных, в первую очередь, обезьян, несомненно, может считаться одной из центральных в творчестве В.А. Ватагина, создавшего в стенах ГДМ множество картин и графических работ для зоопсихологического отдела.

В 1908 г., во время поездки в Европу, художник создал серию работ, посвященных эмоциям обезьян разных видов, с которыми он познакомился в различных зоосадах: «Здесь я увидел значительных человекообразных обезьян; увидел павианов – эти созданные природой гротески; увидел целый красочный букет разнообразных мартышек» [4, с. 99].

Н.Н. Ладыгина-Котс так вспоминала о своем знакомстве с творчеством художника: «Еще 38 лет тому назад (в 1911 г.) когда я впервые увидела Ваши эскизы мимики молодых орангов, я поняла, что они представляют не только художественную, но и большую научную ценность для нашей тогда еще молодой науки психологии животных. В последующие годы это русло Вашего творчества все расширялось и углублялось. В непревзойденных эскизах Вами были запечатлены тончайшие нюансы мимолетных настроений и эмоций низших обезьян (1912–13 гг.)» [5].

Н.Н. Ладыгина-Котс
как источник
ценнейшей
информации
о поведении
и нюансах мимики
животных для
художников-
анималистов

Мир животных не так непроницаем для нас, людей, как мы привыкли думать. И характер, и состояние зверя выражаются в его внешности и поведении. У каждого из них свой темперамент, свое отношение к окружающему миру. Зверь настороженный не похож на спокойного и расслабленного.

Оттенки его состояния могут быть поняты и прочувствованы, все-таки мы братья по крови. И пусть у людей нет шерсти, но и у нас волосы встают дыбом от ужаса или гнева. И вот эти тончайшие нюансы в поведении животных художникам-анималистам могла объяснить именно Н.Н. Ладыгина-Котс. В стенах Дарвиновского музея она вела с художниками дружеские беседы, в которых не только определялось содержание будущих художественных произведений, но и обсуждались особенности наиболее выразительного и типического в позе животного, отражение в его облике внутреннего мира, постигаемого на основе тонкого знания особенностей мимики, движений торса, конечностей, хвоста.

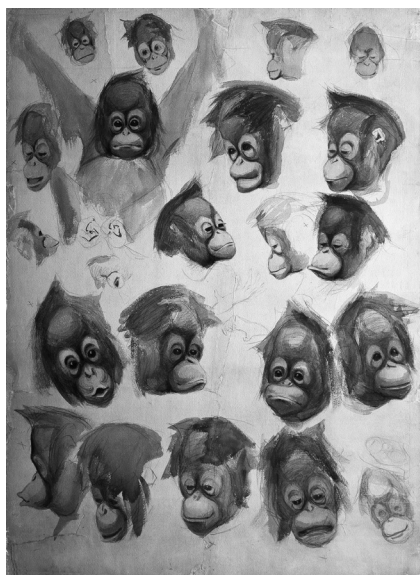
Опыты
Н.Н. Ладыгиной-
Котс для
Зоопсихологического
отдела музея

На протяжении многих лет, начиная с 1913 г., В.А. Ватагин создает цикл графических и живописных произведений для предполагаемого будущего зоопсихологического отдела музея, руководителем которого была Н.Н. Ладыгина-Котс. Она проводила опыты на животных, среди которых были: молодой шимпанзе по кличке Иони, двенадцать попугаев десяти различных видов, которые в то время содержались в музее, а также макака Дези. Н.Н. Ладыгину-Котс интересовали умственные и психические особенности этих животных, диапазон их эмоциональных реакций на различные жизненные стимулы, чем они отличаются от аналогичных способностей человека. Опыты, прежде всего, охватывали сферу зрительного восприятия животных, их способностей к распознаванию цвета, формы, количества предметов, отождествлению их признаков и т.д.

Метод рисования
подвижной натуры
(животных),
придуманый
В.А. Ватагиным

Работая с подвижной живой натурой, В.А. Ватагин обычно komponует несколько набросков животного на листе.

Этот метод изображения животных был создан из-за практической необходимости: как известно, животные вовсе не собираются позировать художнику. Они, когда не спят, все время находятся в движении. Поэтому Василий Алексеевич придумал прием, когда художник-анималист на листе начинает сразу несколько зарисовок животного в разных позах. Когда зверь меняет позу – меняет набросок и художник. Таким образом, на листе оказывается несколько рисунков животного в разных

В.А. Ватагин. Обезьяны. Наброски головы орангутана. 1910-е гг. Бумага, акварель, карандаш. Из коллекции ГДМ

В.А. Ватагин. Гиббон. Наброски. 1910–1920-е гг. Бумага, карандаш. Из коллекции ГДМ

В.А. Ватагин. Макак старый в злобе. 1913–1915 гг. Бумага, карандаш. Из коллекции ГДМ

Графические работы
В.А. Ватагина как
иллюстрация
научных трудов
Н.Н. Ладыгиной-Котс

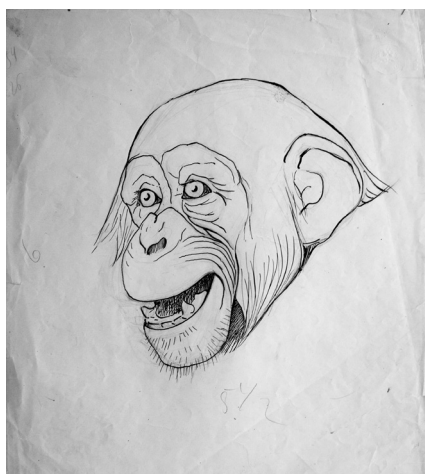
ракурсах и позах. Наиболее ценно при этом – добиться композиционного совершенства целого.

Научные рисунки призваны были дать наглядную картину теоретико-практических исследований Н.Н. Ладыгиной-Котс, отобразить весь поведенческий калейдоскоп движений подопытных животных. Графические работы Ватагина выполняли роль этюдного материала для будущих картин музея к отделу зоопсихологии и разработку иллюстраций для трудов Н.Н. Ладыгиной-Котс. Сама Надежда Николаевна очень высоко ценила рисунки художника: «Особенная художественная выразительность и научная ценность Ваших биопсихологи-

ческих рисунков ярко выступает при их сравнении даже с лучшими фотографиями, относящимся к тем же сюжетам. В то время как механическое око фотокамеры передает содержание биопсихологического явления со всеми загромождающими его научную суть деталями, живой, зоркий, пронизательный глаз мастера – художника перерабатывает воспринимаемое. Вместо дублирования восприятия действительности он дает генерализованное представление, доходящее порой до абстрагированного образа, идейно насыщенного, но не сухого, а проникнутого жизненным пафосом, сохраняющего правдивый психический облик животного» [5].

Монография
Н.Н. Ладыгиной-Котс
«Дитя шимпанзе
и дитя человека...»

В основу монографии Н.Н. Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека...» были положены ее научные исследования молодого шимпанзе Иони и мальчика Руди (Рудольфа Александровича Котса, сына Н.Н. Ладыгиной-Котс и А.Ф. Котса). Об этой книге автор писала: «В 1913 году мой интерес к психологии животных расширился и углубился, благодаря чрезвычайно удачному приобретению молодого шимпанзе, который был помещен у нас на квартире и в течение 2,5 лет подвергнут

В.А. Ватагин. Схема расположения лицевых борозд при мимике радости у шимпанзе. 1913–1916 гг. Бумага, тушь, перо. Из коллекции ГДМ

В.А. Ватагин. Сидячие позы шимпанзе Иони в психически депрессивном состоянии. 1913–1916 гг. Бумага, карандаш, акварель. Из коллекции ГДМ

Иллюстрации
В.А. Ватагина
к книге «Дитя
шимпанзе и дитя
человека...»

мною изучению, как со стороны эмоциональных его проявлений, так и познавательных способностей. Интерес к изучению психики антропоидной обезьяны был связан с интересом к проблеме антропогенеза, как венчающей главы эволюционного учения и дарвинизма» [6, с. 77].

В фондах Дарвиновского музея хранятся многочисленные серии подготовительных рисунков В.А. Ватагина, выполненных графитным карандашом, акварелью или тушью. Они изображают юного шимпанзе Иони в различных эмоциональных состояниях (радость, страх, волнение и т.д.): «Сидячие позы шимпанзе Иони в психически-депрессивном состоянии», «Различные выражения лица шимпанзе Иони».

На основе этих предварительных набросков В.А. Ватагин создает серию иллюстраций к труду Н.Н. Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека...»: «Схема расположения лицевых борозд у шимпанзе при мимике в состоянии внимания»; «Схема расположения лицевых борозд у шимпанзе при мимике в состоянии робости»; «Схема расположения лицевых борозд при мимике печали и волнения у шимпанзе»; «Схема расположения лицевых борозд при мимике радости у шимпанзе» (1913–1916 гг.).

Несомненно, помимо непосредственных наблюдений самого художника, в основу этих рисунков легли также наиболее характерные черты, выделенные лично Н.Н. Ладыгиной-Котс в ходе своих многолетних научных опытов.

Не вошедшие в книгу
«Дитя шимпанзе
и дитя человека...»
иллюстрации
В.А. Ватагина

Многие тщательно зарисованные художником сцены не вошли в итоге в книгу, как, например, «Реакция шимпанзе Иони на мертвую сороку» (1913–1915).

Здесь В.А. Ватагин подробно запечатлел весь спектр реакции обезьяны, практически дословно описываемый

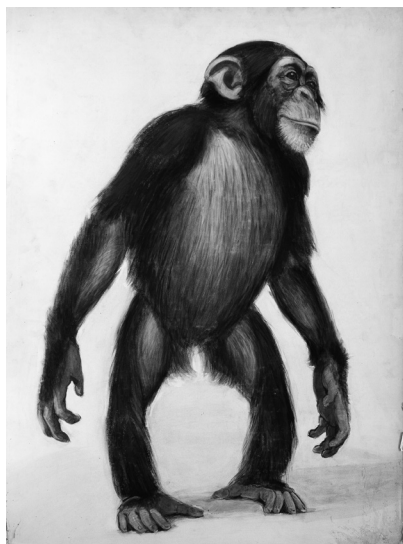
Н.Н. Ладыгиной-Котс: «Защитные жесты, переходящие в агрессивные, очень рельефно выявились у шимпанзе при показе ему убитой сороки. Сидя на столе и увидев издали подносимую птицу, шимпанзе несколько пушится и прежде всего обороняется <...> В следующий момент, видя приближение птицы, Иони, повернувшись боком, оскаливает рот, закрывает одной рукой лицо, а другой делает нерешительный намахивающий жест; по мере возрастания мнимой агрессивности

В.А. Ватагин. Реакция шимпанзе Иони на мертвую сороку. 1913–1915 гг. Бумага, тушь, перо. Из коллекции ГДМ

Рисунки шимпанзе Иони, выполненные В.А. Ватагиным – подлинные портреты, передающие индивидуальность

Упоминание Иони в личной переписке между В.А. Ватагиным и Н.Н. Ладыгиной-Котс

птицы рот шимпанзе кривится, оскаливается все больше, зубы обнажаются все сильнее, намахивающий жест становится все более резким, частым и настойчивым» [7, с. 119].

Интересно, что в своей монографии «Дитя шимпанзе и дитя человека...» Н.Н. Ладыгина-Котс обращала особое внимание на восприятие Иони изображений различных обезьян, причем именно картина, изображающая шимпанзе, вызывала у него страх, в отличие от рисунка орангутана или гориллы [7, с. 113–114]. Помимо быстрых набросков, зарисовок и научных иллюстраций, В.А. Ватагин создал также несколько законченных портретов Иони, где питомец Н.Н. Ладыгиной-Котс сидит, передвигается или же стоит на задних конечностях.

Очевидно, задачей художника было передать не общий видовой облик животного, а создать портрет, отражающий уникальные индивидуальные черты Иони. Сама Н.Н. Ладыгина-Котс настаивала в своих трудах, что: «Лицо шимпанзе – это не морда собаки или павиана, даже не мордочка лемура с их выступающими вперед челюстями, это – доподлинное лицо» [7, с. 250].

В личных письмах В.А. Ватагина, адресованных Н.Н. Ладыгиной-Котс, сохранившихся в нашем музее, он с большим уважением говорит о ее научной работе и даже называет ее подопечного «сыном». Об этом свидетельствуют приводимые нами впервые отрывки из этой переписки: «Ну знаете я совершенно поражен талантами Вашего сына только вполне естественная скромность заставляет

Вас называть его неудачным. Как! одиннадцать оттенков Красного цвета! Так ли я прочел – такого количества уже и теперь не найдется на моей памяти, что же дальше будет – вот колорист какой! И какие сложные формы различает. Воображаю, какой у него важный вид теперь, когда он занят этим делом. Очень рад, что Jonny оказался не математиком очень ему сочувствую. Но как же это звуковой метод... вот интересно будет что слушать. Берегите его. Он теперь единственный. Мне кажется, что у Вас он переживет весь век заключенных в неволе обезьян*» [8, л. 1–2].

Фото 12. В.А. Ватагин. Шимпанзе Иони стоя. 1915 г. Бумага на картоне, акварель, гуашь. Из коллекции ГДМ

* Зд. и далее в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация. – Ред.

Из письма от 22 октября 1915 г.: «Надежда Николаевна мы очень радуемся успеху Jonny. Ваш воспитанник обещает быть знаменитостью. Я надеюсь, что и в будущем он не забудет нас – ведь он так хорошо относился всегда к нам. Каким же образом и где предполагается его снимать – ведь незнакомые Кинематограф – будут очень развлекать Jonny и ведь нельзя же в его комнате. А новая обстановка может сильно повредить успеху демонстрации. Я очень боюсь за него. Но, по-видимому, все устроится хорошо, так как несомненно, что Jonny родился под счастливой звездой» [8, л. 1–2]. Из переписки художника и исследовательницы явно видно, что относились они к Иони не как просто к подопытному животному, но видели в нем яркую индивидуальность, а также считали его практически членом семьи.

Скульптурные работы В.А. Ватагина для Дарвиновского музея

В скульптурных работах для Дарвиновского музея, исходя из установок заказчика, Ватагин был склонен изображать не данного конкретного зверя, а зверя вообще: лисицу вообще, тигра вообще – некое обобщенное воплощение данного вида. Первыми скульптурами, выполненными В. А. Ватагиным для ГДМ, были три работы, изображающие человекообразных обезьян в натуральную величину: «Орангутан, сидя», «Шимпанзе, сидя» и «Горилла в ярости» (1918).

По свидетельству самого автора, до этого момента он никогда не работал в глине, но эксперимент прошел удачно. Работы выполнялись следующим образом: после первоначального графического наброска из глины лепилась маленькая модель будущей скульптуры. Затем, сверяясь с этим эскизом, скульптор изготавливал глиняную модель в натуральную величину. Далее с нее снималась форма и отливалась в гипсе. Все скульптуры для Дарвиновского музея были отлиты Алексеем Павловичем Свириным – лучшим литейщиком того времени. Он был главным форматором Государственного музея изобразительных искусств [9, с. 85].

Виды человекообразных обезьян как воплощения различных темпераментов

Помимо реалистической передачи внешнего облика экзотических зверей, которые тогда еще были в новинку для публики, в задачу скульптора входила фиксация различных психических состояний человекообразных обезьян: спокойствия орангутана, веселой подвижности шимпанзе и сокрушительной ярости гориллы [4, с. 60]. По мнению А.Ф. Котса, эти виды обезьян воплощали в себе идущую еще из Античности идею четырех темпераментов: орангутан был флегматиком; шимпанзе – сангвиником, а горилла – холериком [6, с. 94]. Н.Н. Ладыгина-Котс не

вполне разделяла эту точку зрения, она полагала, что: «...замкнутый, необщительный меланхолик горилла, флегматик оранг, мало экспрессивный миниатюрный своеобразный гиббон далеко не так выразительны в своем внешнем выявлении, как общительный, живой, жизнерадостный сангвиник шимпанзе, обладающий необычайно сложной мимической мускулатурой» [7, с. 7].

Скульптуры
В.А. Ватагина
«Орангутан»
и «Шимпанзе»

Орангутан и шимпанзе представлены сидящими, их позы схожи, и словно бы зеркально перекликаются: головы повернуты в три четверти, одно плечо расположено несколько выше другого. Поза орангутана при этом более закрытая, он словно бы оплел свое тело длинными руками, сжавшись в комок и в задумчивости опустив свою тяжелую голову с массивными защечными наростами. Фигура шимпанзе, несмотря на сходство позы, вызывает иное впечатление: обезьяна словно бы только что быстро повернулась к зрителю, и в любой момент готова вновь прийти в движение. Впечатление закрученного движения придает этой скульптуре положение рук животного.

Скульптура
В.А. Ватагина
«Горилла в ярости»

Произведение «Горилла в ярости» гораздо больше по размерам, по сути, это двухфигурная композиция, поскольку обезьяна изображена попирающей человека. По словам В.А. Ватагина, для нее позировал А.Ф. Котс [9, с. 176], так описавший это произведение: «Гора вздыбившихся волос, железных мускулов с зияющим оскалом пасти. В исступленной ярости лесной гигант, подмявши под себя злосчастного охотника, бросается на остальных врагов, вперед, навстречу зрителю» [6, с. 94]. Сейчас хорошо известно, что на самом деле гориллы – спокойные и

В.А. Ватагин за работой над скульптурой
«Орангутан, сидя». 1918 г.

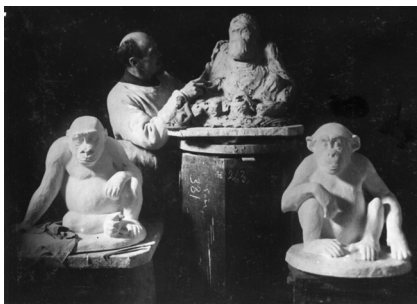

В.А. Ватагин. Горилла
в ярости. 1918 г.
Гипс тонированный.
Из коллекции ГДМ

Реакция мальчика
Руди на скульптуру
В.А. Ватагина
«Горилла в ярости»

Продолжение
скульптурной серии
В.А. Ватагина,
посвященной
антропоидам

Интерес к исследова-
нию границы между
человеческим и зве-
риным у соосновате-
лей Дарвиновского
музея – научный
и художественный

В.А. Ватагин лепит скульптуру
«Оранг молодой, сидя» из
серии, посвященной молодым
антропоидам. 1929 г.

миролюбивые создания, несмотря на свою огромную физическую силу. Даже в редких случаях нападения на человека дело ограничивается единичными укусами.

Интересные наблюдения над реакцией ребенка на это произведение искусства оставила Н.Н. Ладыгина-Котс: «Руди (около 3 лет), войдя в музей и видя скульптуру, изображавшую гориллу, подмявшую под себя человека, сказал: “Отшлепай, – дядю задавил!” И сам начал ударять рукой скульптуру гориллы, а потом, вернувшись из музея, радостно оповещал: “Ошлепаль гориллу” (отшлепал, побил гориллу)» [7, с. 320]. По мнению исследовательницы, так проявляется одно из важных отличий человека от обезьяны – способность к сочувствию и жалости, порой направленному даже на неодушевленные предметы (в данном случае – скульптуру).

Впоследствии серия скульптурных изображений антропоидов была дополнена скульптурами, изображающими статично стоящих животных: «Шимпанзе стоя» (1927), «Оранг стоя» (1929), «Гиббон стоя» (1929) и «Горилла, самец стоя» (1929). Кроме того, по заказу Н.Н. Ладыгиной-Котс и А.Ф. Котса, В.А. Ватагин изготовил также серию скульптурных изображений молодых антропоидов – детенышей.

В нее вошли следующие работы: «Шимпанзе молодой, сидя» (1929), «Оранг молодой, сидя» (1929), «Горилла новорожденный» (1929), «Шимпанзе новорожденный» (1929) и «Горилла молодой, сидя» (1930).

Благодаря счастливому стечению обстоятельств, В.А. Ватагин, А.Ф. Котс и Н.Н. Ладыгина-Котс прошли, как соратники, через всю свою жизнь. Их объединяли схожие интересы – наука и искусство, эволюция и дарвинизм. И одним из главных вопросов, на который неотступно искали они ответ – где проходит грань, разделяющая человеческое и звериное? В какой момент своей эволюционной истории человек действительно становится человеком? Этот же вопрос, но в понятиях искусства, волновал В.А. Ватагина. Здесь следует вспомнить о его юношеском увлечении живописью Арнольда Беклина (1827–1901).

Художника особенно привлекали герои полотен А. Беклина – мифологические существа, чьей особенностью было совмещение человеческого и звериного начал – кентавры, сирены, тритоны и nereиды. Под впечатлением от них он

Двойственная
природа обезьяны
в представлении
Н.Н. Ладыгиной-
Котс и В.А. Ватагина

В.А. Ватагин. Эскиз к картине «Античные мифы» из триптиха «Эволюция мировоззрения». 1920 г. Бумага, карандаш, акварель. Из коллекции ГДМ

Зарисовки
В.А. Ватагина
экспериментальных
попугаев
Н.Н. Ладыгиной-
Котс

даже сам «...рисовал полуфантастические образы морских существ... Помню – медузу в виде женщины, тающую на берегу и еще полную жизни на волнах». [9, с. 29]

Здесь стоит отметить, что именно таким «сфинксом», совмещающим в себе звериные и человеческие черты, полагала обезьяну Н.Н. Ладыгина-Котс. Она оставила поэтическое описание этого животного: «Или

подобно мифическому сфинксу с ликом человека и звериным телом она стоит на рубеже двух групп животного царства, олицетворяет собой смежное сопребывание и борьбу двух начал: животного и человеческого. И в этом интерес для нас ее душевной жизни, и в этом ее манящая нас загадочность... Эту-то загадку смутно, неосознаваемо чувствует, видит каждый, смотрящий на обезьяну, но для исследователя, для зоопсихолога, она встает так же неотступно и властно, как загадка карателя фивского сфинкса» [10, с. 11]. Скорее всего, именно эта двойственная природа обезьян и сделала их главными, излюбленными героями творчества В.А. Ватагина: «Своим разнообразием, своеобразием и выразительностью, своими движениями и лицами они поразили меня на всю жизнь» [3, с. 39].

Помимо обезьян, В.А. Ватагин написал портреты всех экспериментальных попугаев Н.Н. Ладыгиной-Котс. Свои беглые акварельные зарисовки он превращал в законченные этюды. Естественно, что в первую очередь эти работы художника должны были увековечить опыты ученого в цвете, недоступном для передачи

фото- и кинотехнике того времени. Благодаря опытам Н.Н. Ладыгиной-Котс было установлено, что попугаи обладают цветным зрением и прекрасно различают цвета. Задачей В.А. Ватагина было не только зарисовать попугаев в момент работы – выбора на образец по цвету, но и запечатлеть их в различных эмоциональных состояниях.

Исследования Н.Н. Ладыгиной-Котс в Московском зоопарке

В 1920–1923 годах А.Ф. Котс становится директором Московского зоопарка [6, с. 78–79]. Н.Н. Ладыгина-Котс в это время продолжала наблюдения за поведением животных разнообразных видов в зоопарке. Эта работа была начата ею еще в 1920 г. в связи с интересом исследовательницы к проблеме инстинкта. Особое внимание было обращено на онтогенетическое развитие инстинктов птиц: кур, гусей, фазанов, индеек, павлинов, лебедей, а также представителей врановых.

Исследованию были подвергнуты также проявления и вариации следующих инстинктов: питания, защиты, нападения, полового и материнского.

Рисунки В.А. Ватагина к труду «Инстинкт» Н.Н. Ладыгиной-Котс

В.А. Ватагин в этот период выполнил сотни зарисовок, которые впоследствии должны были быть использованы в качестве иллюстраций к труду Надежды Николаевны «Инстинкт», а также легли в основу десятков живописных картин для будущего «Зоопсихологического» отдела Дарвиновского музея. Нежные, тонкие рисунки, подкрашенные акварелью, необычайно точно иллюстрируют различные особенности инстинктивного поведения животных: «Преследование целой группой цыплят своего сотоварища, несущего червяка»; «Первое плавание утят, первый туалет»; «Рассерженные гуси с гусятами»; «Поза подчинения у щенка».

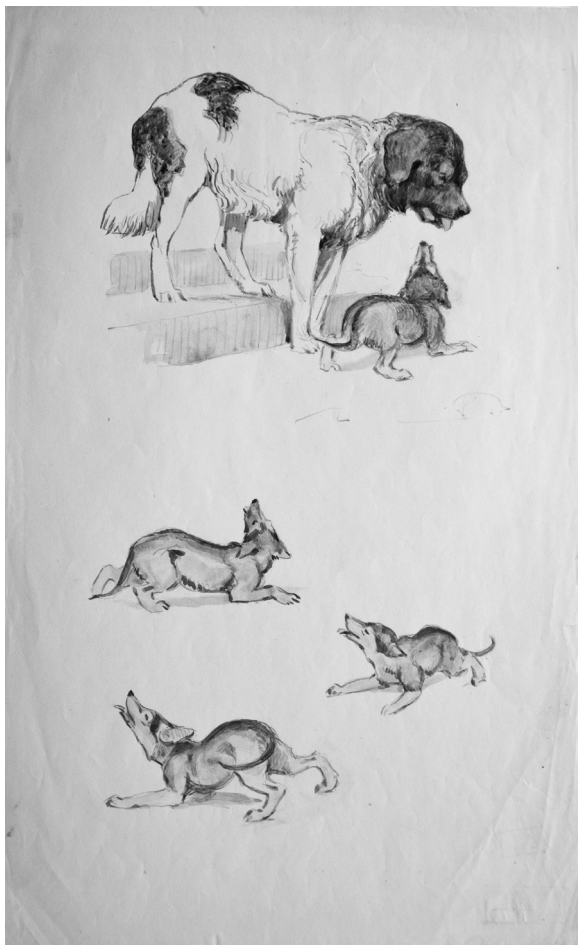
Меткость наблюдения, выверенная композиция и точная рука художника делают эти рисунки не просто технической фиксацией протокола наблюдения, а произведениями искусства. Многие из этих зарисовок послужили впоследствии основой для автолитографий В.А. Ватагина – «Волчата», «Медвежата», «Утка с утятами».

Серия работ В.А. Ватагина «Инстинкты животных» для зоопсихологического отдела музея

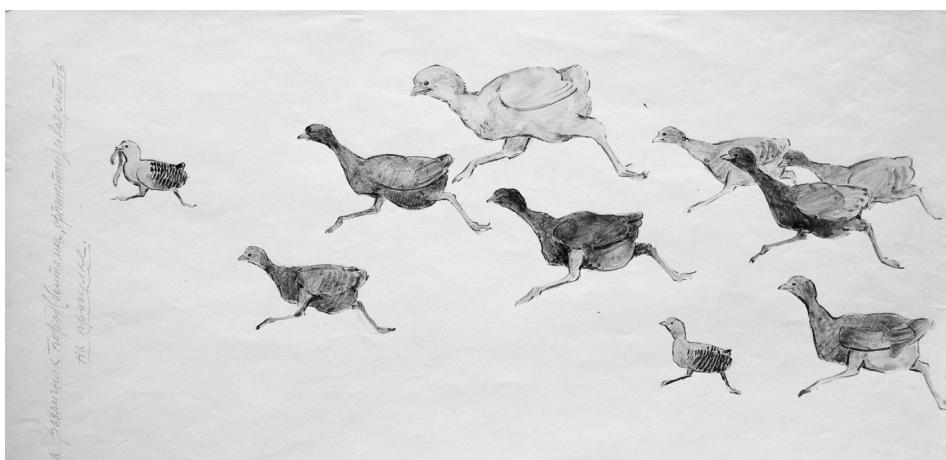
По разработанным Н.Н. Ладыгиной-Котс темам В.А. Ватагиным была написана огромная серия работ на тему «Инстинкты животных»: сюда вошли сходные формы обучения молодняка у разных животных и птиц, забота о потомстве; необычные формы защиты – коллективная атака хищника мелкими воробьиными птицами, защита птиц-носорогов, где самец замуровывает в гнезде самку с кладкой яиц на все время высидывания кладки; коллективная оборона овцебыков, сослужившая им такую плохую службу при столкновении с чело-

В.А. Ватагин. Какаду инка
максимально возбужденный.
1919–1920 гг. Картон, масло.
Из коллекции ГДМ

В.А. Ватагин.
Поза подчинения у щенка.
1920 г. Бумага тонированная,
акварель.
Из коллекции ГДМ

В.А. Ватагин. Преследование целой группой цыплят своего сотоварища –
цыпленка бентамку, нашедшего земляного червя. 1920–1923 гг.
Бумага, карандаш, акварель. Из коллекции ГДМ

веком. Очевидно, сама попытка создания серий картин была навеяна старой идеей «библии для неграмотных», где картины в экспозиции музея должны были пояснять натуральный материал наглядно, без помощи текста.

Особенно наглядно этот принцип виден в частом обращении к созданию диптихов и триптихов – например, «Журавли». Это произведение посвящено инстинкту странствования. У животных подобный инстинкт проиллюстрирован на примере переходов северных оленей, ежегодно мигрирующих по определенным маршрутам. Некоторые картины посвящены симбиозу – взаимовыгодному сотрудничеству различных видов – цапли и буйволы, крокодилы и птицы, чистящие их и избавляющие от паразитов.

Н.Н. Ладыгина-Котс высоко ценила все эти произведения В.А. Ватагина, выполненные под ее руководством: «Золотой фонд Ваших рисунков и картин по биопсихологии животных украсит будущий отдел сравнительной психологии Государственного Дарвиновского Музея. Он составит ту сокровищницу непревзойденного художественно-научного творчества, которая будет гордостью русской науки и искусства нашей великой Родины. От всей души желаю Вам, давний, дорогой и незаменимый товарищ и друг по работе дожить до времени торжественного открытия первого в мире Музея Сравнительной Психологии животных в будущем здании дворце Государственного Дарвиновского Музея.

Высокая оценка
произведений
В.А. Ватагина
Н.Н. Ладыгиной-
Котс

Произведения В.А. Ватагина в экспозиции Дарвиновского музея, раздел «Поведение животных». 1925 г.

Другие художники-анималисты, сотрудничавшие с Н.Н. Ладыгиной-Котс и Дарвиновским музеем

Крепко верю в то, что Вы увидите и порадуетесь на свои картины, перешедшие из фондов в экспозицию, доступную для обозрения и любовного созерцания и просвещения широких масс» [5].

Следует также отметить, что и многие другие художники, сотрудничавшие в разное время с Дарвиновским музеем, оставили свой след в экспозиции и фондах. Этими талантливыми художниками были Д.В. Горлов, Г.Е. Никольский, А.Н. Формозов, Н.Н. Кондаков, К.К. Флеров и В.В. Трофимов. О последнем художнике, который был также учеником В.А. Ватагина, следует рассказать больше. Мать Вадима Вадимовича Трофимова (1912–1981), Олимпиада Николаевна (1886–1945) приходилась родной сестрой Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс. После окончания школы в 1928 г. В.В. Трофимов начал рисовать и лепить под руководством В.А. Ватагина, а со следующего, 1929 г., приступил к работе в Дарвиновском музее, куда его пригласил А.Ф. Котс.

В.В. Трофимов и его рисунки для трудов Н.Н. Ладыгиной-Котс

В 1946 г. Вадим Вадимович приступил к зарисовке опытов в зоопарке с шимпанзе по кличке Парис для Зоопсихологического отдела ГДМ, возглавляемого Н.Н. Ладыгиной-Котс. Он рисовал на полулистах ватмана тушью «сухой кистью» – тогда такая техника была очень распространенной. Рисунки В.В. Трофимова должны были стать иллюстрациями к трудам Надежды Николаевны «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959) и «Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми)» (1965).

Эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс с шимпанзе Парисом

Эксперименты с шимпанзе Парисом были посвящены изучению возможностей развития гнездостроительной и орудийной деятельности. Благодаря им Н.Н. Ладыгина-Котс установила наличие у высших обезьян не только наглядно-действенного, но и наглядно-образного мышления. Вместе с тем она подчеркивала отсутствие у них способности улавливать причинно-следственные связи и опираться на них. Был проведен детальный анализ решения обезьяной практических задач в ходе конструирования «дневных гнезд» из различных материалов и орудийной деятельности, связанной с «подработкой субстрата» (доска, проволока, ветви и др.) до вида орудия, потребного для выталкивания приманки из полой металлической трубы небольшого диаметра.

Результаты опытов Н.Н. Ладыгиной-Котс

В результате Н.Н. Ладыгина-Котс показала, что у шимпанзе образуются обобщенные представления, на

В.В. Трофимов. Анализ резиновой трубы и анализ нити. Опыты с Парисом. 1946 г. Бумага, тушь, сухая кисть. Из коллекции ГДМ

В.В. Трофимов. Украшение у шимпанзе. 1946–1948 гг. Бумага, акварель, гуашь, тушь, сухая кисть. Из коллекции ГДМ

основе которых обезьяна в состоянии удерживать образ потребного орудия, которое необходимо в той конкретной ситуации, которая составляет для нее практическую задачу. Здесь нельзя не сделать небольшое отступление: биологи убеждены в высоком уровне интеллекта и эмоций шимпанзе и других высших обезьян. «Они, несомненно, животные и никоим образом не люди, — писала Н.Н. Ладыгина-Котс, — но животные, стоящие очень близко к первому маршу лестницы, называемой антропогенезом. Поэтому они нуждаются в особой заботе в местах обитания, гуманном обращении с ними (как и с другими животными) в лабораториях, зоопарках, цирках. Условия их жизни в неволе должны соответствовать степени уважения человека к своей эволюционной предыстории» [11, с. 91].

Рисунки
В.В. Трофимова —
от «протокола» опыта
к портрету обезьяны

Графические листы Вадима Трофимова с изображением обезьян — это, конечно, в первую очередь «протокол» эксперимента. Но, в то же время, это уже практически «портрет» конкретного животного — шимпанзе Париса.

Вот он сосредоточенно изучает и анализирует предложенные ему материалы, строит гнезда из не самого

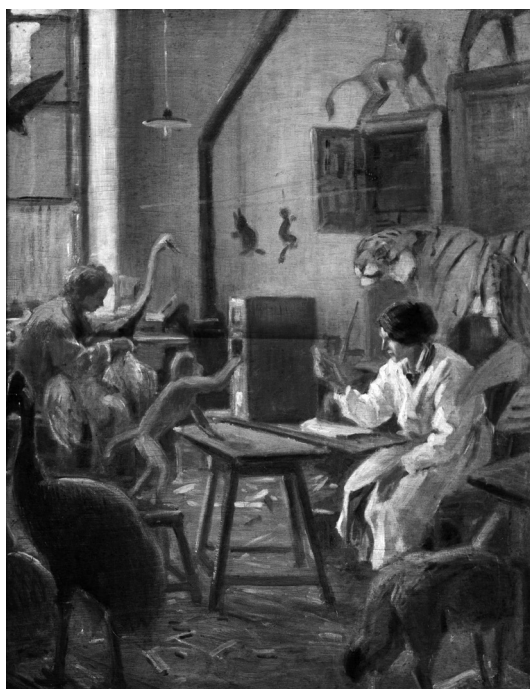
В.В. Трофимов. Шимпанзе, лежащий на расщепленном картоне. 1946–1948 гг. Бумага, тушь, сухая кисть. Из коллекции ГДМ

подходящего материала, преодолевает трудности по добыванию лакомой приманки. А вот он же – гордо украсивший себя металлической цепью, листьями или же корками фруктов. Шимпанзе, лежащий на спине с листом картона в руках, невольно напоминает человека, устроившегося с газетой на диване.

Н.Н. Ладыгина-Котс – модель и муза художников

Просветительство было еще одним большим делом жизни А.Ф. Котса и Н.Н. Ладыгиной-Котс. Такова сама суть музейной работы, которую они воспринимали как подвижничество. Даже в го-лодные 1920-е годы Зоопсихологическая лаборатория продолжала свою научную работу, что отражено в диптихе В.А. Ватагина «Трудные годы».

Художник запечатлел Надежду Николаевну во время очередного эксперимента с макаком Дези, пытающимся достать приманку, на заднем плане работает над чучелом страуса таксидермист Ф.Е. Федулов. Это далеко не единственный портрет Н.Н. Ладыгиной-Котс, выполненный Ватагиным. Ее привлекательная внешность, незаурядный ум и обаяние неоднократно привлекали к себе внимание художников. Сразу следует упомянуть мраморный бюст работы В.А. Ватагина, в настоящее время украшающий фойе нашего музея.

В.А. Ватагин. Трудные годы. Уплотненная препараторская. 1919 г. Фанера, масло

Портрет Н.Н. Ладыгиной-Котс за проведением опыта как пример синтеза науки и искусства

Золотой фонд Дарвиновского музея – художественные произведения, созданные в результате сотрудничества Н.Н. Ладыгиной-Котс и художников

Но одним из наиболее проникновенных портретов кисти художника считается «Н.Н. Ладыгина-Котс за проведением опыта».

Не является ли этот портрет одним из образцов действительного синтеза науки и искусства? Живописцу представилась прекрасная возможность участвовать в серьезных научных опытах, запечатлевая различные эксперименты. Но этот портрет является не просто «протоколом», документирующим событие, В.А. Ватагин создал образ лиричный и проникновенный: его модель – словно Гретхен среди оживших ярких летающих цветов – попугаев! Сравнение именно с Гретхен является наиболее уместным, поскольку и А.Ф. Котс, и Н.Н. Ладыгина-Котс являлись горячими поклонниками творчества великого поэта.

В заключение нужно сказать, что произведения В.А. Ватагина и других художников до сих пор украша-

В.А. Ватагин. Н.Н. Ладыгина-Котс за проведением опыта. 1920-е гг. Картон, акварель, гуашь. Из коллекции ГДМ

ют экспозицию нашего музея, а также являются подлинным «золотым фондом» отечественной анималистики. Но все это было бы невозможно, если бы не сотрудничество длиною в жизнь, которое навсегда связало судьбы Н.Н. Ладыгиной-Котс, В.А. Ватагина и А.Ф. Котса. Только их совместные усилия, научная работа и художественные достижения позволили создать поистине прекрасное научно-художественное наследие, составляющее главное богатство Дарвиновского музея.

1. *Гаврилин К.Н.* Чудесный зверописец // *Образ животного в искусстве*. М., 2004. С. 5–16.
2. *Котс А.Ф.* Дарвиновский музей до Октябрьской революции // *История создания Государственного Дарвиновского музея / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2*. М., 2014. С. 56–141. Архив ГДМ. КП ОФ – 10141/583.
3. *Ватагин В.А.* Изображение животного. Записки анималиста. М., 1957.
4. *Ватагин В.А.* Воспоминания. Материалы к биографии художника. М., 2017.
5. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Письмо Н.Н. Ладыгиной-Котс о творчестве В.А. Ватагина. 1.01.1949 г. Архив ГДМ. №3.7/181
6. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Автобиография / Государственный Дарвиновский музей. Страницы истории. Основатели музея. Можайск, 1993.
7. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М., 1935.
8. *Ватагин В.А.* Письмо к Н.Н. Ладыгиной-Котс по поводу успехов Иони. Архив ГДМ, фонд А.Ф. Котса, оп. №1, ед. хр. 914.
9. *Ватагин В.А.* Воспоминания. Записки анималиста. Статьи. М., 1980.
10. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Приспособительные моторные навыки макака в условиях эксперимента. М., 1928.
11. *Новоселова С.Л.* Надежда Николаевна Ладыгина-Котс – гордость отечественной науки // *Развитие личности*. 2001. №3–4. С. 76–107.

REFERENCES

1. Gavrilin K.N. Chudesnyj zveropisec In: *Obraz zhivotnogo v iskusstve*. Moscow, 2004. Pp. 5–16. (In Russian).
2. Kohts A.F. Darvinovskij muzej do Oktyabr'skoj revolyutsii. In: *Istoriya sozdaniya Gosudarstvennogo Dar-*

vinovskogo muzeya. Collection of works in 5 vol. Vol. 2. Moscow, 2014. Pp. 56–141. Archive GDM. KP OF – 10141/583. (In Russian).

3. Vatagin V.A. *Izobrazhenie zhivotnogo. Zapiski animalista*. Moscow, 1957. (In Russian).

4. Vatagin V.A. *Vospominaniya. Materialy k biografii hudozhnika*. Moscow, 2017. (In Russian).

5. Ladygina-Kohts N.N. *Letter by N.N. Ladygina-Kots about art by V.A. Vatagin*. 01.01.1949. Archive GDM. №3.7/181 (In Russian).

6. Ladygina-Kohts N.N. *Avtobiografiya*. In: *Gosudarstvennyj Darvinovskij muzej. Stranitsy istorii. Osnovately muzey*. Mozhajsk, 1993. (In Russian).

7. Ladygina-Kohts N.N. *Infant ape and human child (instincts, emotions, play, habits)* (with 145 plates). Moscow, 1935. (In Russian).

8. Vatagin V.A. *Letter to N.N. Ladygina-Kots on Ioni's achievements*. Archive GDM, fund A.F. Kotsa, op. 1, ed. hr. 914. (In Russian).

9. Vatagin V.A. *Vospominaniya. Zapiski animalista*. Articles. Moscow, 1980. (In Russian).

10. Ladygina-Kohts N.N. *Prisposobitel'nye motornye navyki makak v usloviyah eksperimenta*. Moscow, 1928. (In Russian).

11. Novoselova S.L. Nadezhda Nikolaevna Ladygina-Kohts – gordost' otechestvennoj nauki In: *Development of personality*. 2001. No. 3–4. Pp. 76–107. (In Russian).
